

А. И. РУБИН

Философия и этика Спинозы

В системе Спинозы характерным является ее стремление к монизму; сведение воедино всех противоречий, завещанных ему Декартом, составляет отличительную черту философии Спинозы; эта черта проявляется как в крупном, так и в мелком, проникает всю философию в целом и в частностях, проявляется и в форме и в содержании.

Декарт обострил все противоречия предшествовавшей эпохи до их крайнего предела; его система представляется дуалистичной; дуализмом проникнута вся его система; дуализм между Богом и миром, между душой и телом, между природой и человеком, между свободной волей и механической причинностью - вот результат философии Декарта; результат, приведший к исключению человека из природы, к выводу, что все телесное неодушевлено, а все духовное бестелесно, что животные суть простые автоматы; при этом самое существование человека, в котором есть без сомнения душа и тело, представляется загадочным, противоречащим основным началам философии Декарта.

Разрешение всех этих противоречий выпало на долю Спинозы. Философия Спинозы стремится разрешить все эти противоречия. При этом разрешение их сводится к торжеству реализма; понятие причинности, законы которой вечны и неизменны, является главным в системе Спинозы; натурализм проникает его систему. Разрешив дуализм между Богом и миром в сведении их к пониманию «Бога или Природу Бога, действующего по неизменным и вечным законам своей природы, с необходимостью вытекающим из его существа, он разрешает противоречие между душой и телом, в том смысле, что объявляет их порядок одинаковым, так что порядок и связь идей есть тот же, что и порядок и связь вещей; это приводит к результату, что все тела природы одушевлены, но в разной степени. Таким образом, положение человека не представляется обособленным, противоречащим всему строю природы; напротив человек представляется органическим звеном в природе, частью всей природы; в человеке сложность физического механизма соответствует сложности его психических переживаний; но он есть лишь последнее звено в той длинной цепи тел природы, разные члены которой все одушевлены, но лишь в разной степени.

При этом, приписываемая Декартом человеку, как особенность его природы, свобода воли отрицается Спинозой. Человек направляется к своей деятельности мотивами, заставляющими его при данных обстоятельствах действовать определенным образом и лишаящими его возможности действовать иначе. Действия человека подвержены тому же закону причинности, которому подчинено все в природе, считают же люди себя свободными, потому что они сознают свои действия, но не знают причин, которыми определяются к действиям. Из того, что человек считает себя свободным, совершенно не следует, что он на самом деле свободен. Так что и с этой стороны человек не отличается от других тел природы. Наконец, в

самом человеке нет противоречия между ощущениями и понятиями, а есть лишь разница между смутными и ясными идеями. Смутные идеи - суть чувства, страсти, аффекты, ясные идеи - суть разум. Проясняя свои смутные идеи, человек возвышается до ясного познания. Ясное же познание ведет к блаженству, нравственности. Таким образом, мы видим, как все в системе покоится на естественном базисе, все вытекает с необходимостью из законов природы, и самое достижение духовной свободы выводится из законов природы; самая же свобода состоит в соединении с природой; сознание этой связи освобождает человека от мелких страстей и доставляет ему блаженство. В этом проявляется монизм Спинозы.

Другой характерной особенностью является рационализм; вера, что весь мир устроен разумно, и может быть понят до мельчайших своих частиц, до последних проявлений. Противоположность между чувством и разумом уничтожается; чувство есть лишь смутная идея; но стоит прояснить эту идею, и разум восторжествует. Таким образом, познание уничтожает все смутные и неясные стремления человека; безнравственность есть лишь следствие незнания, невежества; стоит лишь просветить человека, и он достигнет вместе с тем и высшей нравственности, так как все поступки будут тогда направляться разумом, а не влечением.

Таким образом, в системе Спинозы проявляется слияние натурализма с рационализмом, слияние, характеризующее ее особенное положение среди других систем философии и проявляющееся в разрешении всех вопросов, которыми занимается его философия.

Переходим к разрешению вопроса о нравственности. Человек, как мы видели, есть часть природы; существо, природа которого не отличается от природы других тел. Так как нравственность выводится из законов природы человека, то надо узнать, каким законам подвержена человеческая природа. Человек есть тело природы, одаренное разумом; но раньше всего тело природы, и потому законы, управляющие всеми телами природы, управляют и им. Основной закон, которому подчиняются все тела природы, есть стремление к пребыванию в своем состоянии, выражающееся у живых существ в стремлении к самосохранению. Это есть и основной закон природы человека. Но всякое тело природы, проявляя в этом стремлении к самосохранению свою активную сторону, свое могущество, с другой стороны подвергается влиянию других тел природы на него, влиянию, противоречащему его стремлению к самосохранению, полагающему ему пределы, действующему в противоположном направлении; в этом отношении тело пассивно. Общая способность тела к самосохранению, могущество его - определяется результатом взаимодействия этих двух тенденций; тело тем могущественнее, чем менее оно подвергается влиянию окружающих тел, а определяется к действию причинами, свойственными его природе; наоборот, чем больше тело подвергается действию других тел, чем менее оно самостоятельно, тем слабее оно отстаивает свое существование.

В человеке и активная и пассивная сторона проявляются особым образом, вытекающим из законов человеческой природы. Влияние окружающих тел сказывается в страдательных аффектах, которым подвержен человек. Страдательный аффект или страсть есть смутная идея, которую дух получает о своем теле; причиной страдательных аффектов являются внешние тела. Следовательно, чем больше человек подвержен влиянию окружающих тел, тем более он подвержен страстям; поскольку человек подвержен страстям, постольку он не самостоятелен, настолько

ущербляется его стремление к самосохранению. Противоположностью страдательным аффектам суть деятельные аффекты, являющиеся при созерцании человеком своей активности, вытекающие из природы человека, действующей активно, а не подверженной влиянию внешних тел.

Познание добра и зла есть деятельный аффект, показывающий могущество разума, а следовательно, активной стороны человеческой природы. Добродетель есть стремление к самосохранению согласно правилам человеческой природы. Человек поступает добродетельно, когда определяется к своей деятельности ясными идеями, ибо в таких поступках выражается его активная сторона. Наоборот, поскольку человек руководится страстями, он не может поступать добродетельно, так как поступки, вытекающие из страстей, показывают подчиненность человека внешней природе, пассивность, малое развитие стремления к самосохранению. Следовательно, высшее самосохранение состоит в подчинении своих поступков правилам разума, ибо тогда человек всегда будет действовать активно, согласно правилам своей природы, а не подчиняясь воздействию чужих тел. Но из существа разума вытекает стремление к познанию. Познание есть ясное и отчетливое стремление к самосохранению согласно правилам разума, потому что мы активны лишь постольку, поскольку познаем. Все то, что ведет к познанию, полезно, т.е. способствует самосохранению, а все то, что мешает познанию вредно, так как мешает самосохранению. Страсти, как мешающие ясному и отчетливому познанию, вредны. Цель человека – это стремление к самосохранению, познание ясно и отчетливо, следовательно, и стремление освободиться от влияния страстей, мешающих познанию. Но страсть может быть вытеснена не познанием, как таковым, а лишь постольку, поскольку познание есть деятельный аффект. Следовательно, для того, чтобы вытеснить другие аффекты, познание само должно стать сильнейшим аффектом.

Сила аффекта определяется объектом аффекта; чем значительнее, чем выше объект аффекта, тем сильнее и аффект. Аффект к вещи настоящей сильнее, чем к прошлой; к необходимым сильнее, чем к случайным. Поэтому познание для того, чтобы вытеснить другие аффекты, должно относиться не к случайным и мелким вещам, а к вещи необходимой, возбуждающей большое число представлений, обладающей многими признаками, могущими присутствовать в сознании и находящимися постоянно налицо; таким объектом, обладающим всеми указанными условиями, является Бог или Природа.

Познание Бога поэтому может стать сильнейшим аффектом, вытесняющим все аффекты к мелким и случайным вещам. Познание Бога может вытекать из познания всякого аффекта; вообще всякая страсть может привести к познанию Бога. Страсть есть смутная идея, которую дух получает о своем теле; но нет такого телесного возбуждения, о котором мы не могли бы образовать ясной и отчетливой идеи. Следовательно, всякая смутная идея может быть прояснена. А это познание аффекта ведет к познанию необходимости всех законов природы, необходимости, вытекающей из существа Бога, вечного и неизменного, действующего по неизменным и вечным законам.

Поскольку познание Бога есть аффект, это – аффект, связанный с чувством удовольствия, так как разум при этом познает себя активным, действующим по законам своей природы. Но аффект, соединенный с чувством удовольствия, есть любовь. Следовательно, познание Бога ведет к

любви; эта любовь к Богу интеллектуальна, так как вытекает из ясного познания его природы, а не из смутных влечений. Эта любовь к Богу ведет к блаженству, освобождению от страстей к мелким и случайным вещам, избавляет от горя и несчастий. Горе и несчастья происходят от неумеренной любви к вещи случайной, обладать которой постоянно мы не можем; от этого проистекают страх, ревность и подозрение. Но любовь к Богу не может быть омрачена этими страстями, ибо объект этого аффекта вечен; дух, созерцающий Бога, не может быть омрачен подозрениями, ревностью, ибо ничто не может лишить его обладания этим объектом. Поэтому, человек, обладающий ясным познанием Бога, не только не боится, чтобы и другие не достигли этого познания, но, наоборот, желает, чтобы все другие люди любили Бога, хочет приобщить всех добродетели, и тем больше радуется, чем больше другие достигают интеллектуальной любви к Богу.

Таким образом, интеллектуальная любовь к Богу, вытекающая из ясного познания, способствует миру и согласию между людьми, поскольку все стремятся к одной цели, к цели благородной и возвышенной, не дающей места мелким распрям, а объединяющей всех в великом чувстве слияния с Богом, созерцания необходимых и вечных законов природы.

Вообще, душа, исполненная любовью к Богу, не подвержена страстям, вытекающим из воздействия внешних тел природы на наше тело. Дух, занятый созерцанием Бога, созерцает все вещи под формую вечности, т.е. он познает существо вещи, а не временное пребывание тела, так как временным пребывание тела представляется лишь смутному воображению. Ясное же познание видит все вещи под формую вечности, т.е. независимо от времени.

Человеческий дух не разрушается абсолютно вместе с телом; разрушается лишь та часть, которая представляет возбуждения тела. Та же часть, которая познает вещи под формую вечности, остается и после разрушения тела; следовательно, чем большая часть духа была занята созерцанием Бога, тем большая его часть остается бессмертной, т.е. вечной, познающей все вещи под формую вечности. Таким образом, интеллектуальная любовь к Богу делает большую часть души вечной.

Но если бы мы даже не знали, что дух, занятый созерцанием Бога, достигает вечности, мы все равно стремились бы к вечной и интеллектуальной любви к Богу, так как она есть блаженство, освобождение от страстей. Вообще блаженство не есть награда за добродетель, а сама добродетель. Не потому мы наслаждаемся блаженством, потому что освободились от страстей, а наоборот, мы освобождаемся от страстей, потому что достигли блаженства, т.е. интеллектуальной любви к Богу.

Рассматривая, каким путем приходит Спиноза к разрешению вопроса о нравственности, мы заметим, что его монизм оказывает свое влияние и на разрешение этой проблемы. Нравственность не противопоставляется природе; нравственная жизнь не противоречит естественной; нравственность не состоит в подавлении своей естественной природы; напротив, нравственная жизнь есть высшее проявление естественного свойства не только человека, но и всех тел природы, а именно стремления к самосохранению. Нравственность не только не требует подавления этого стремления, но есть это самое стремление в сильнейшей степени. Мудрец стремится к самосохранению в гораздо большей степени, чем все прочие люди; он хочет проявить свою активную сторону и не зависеть от внешних тел, или же свести их влияние к минимуму. Он стремится к наивысшему могуществу;

стремится к самосохранению не только физическому, но и нравственному; больше того, он стремится, чтобы большая часть его существа стала бы вечной; для этого он старается подавить свои страсти, но подавить их не в аскетическом смысле, а лишь только в том смысле, чтобы победить их сильнейшей страстью, любовью к Богу. Таким образом, любовь к Богу есть высшее проявление стремления к самосохранению; достигается же она жизнью, согласной правилам разума.

Так незаметно, со ступеньки на ступеньку, мы от факта, присущего всем телам природы стремления к самосохранению, доходим до высшего идеала, до блаженства, состоящего в интеллектуальной любви к Богу. Идеал так выводится из действительности, что удивляешься тому, что он еще не достигнут всеми. Из стремления к самосохранению геометрическим путем, математически выводится любовь к Богу. И хотя сам Спиноза признает, что путь к добродетели крутой, и поэтому достигнуть блаженства очень трудно и удастся лишь немногим, но из его понимания человеческой природы это не вытекает. Напротив, в «Этике» действительно математически из свойств человеческой природы выводится достижение блаженства.

Для того, чтобы понять это противоречие, обратимся к тому, как понимает Спиноза человеческую природу; мы увидим, что в его психологии господствует рационализм и интеллектуализм. Он не только убежден, что всякая страсть может быть познана, но и в том, что это познание ее убивает самую страсть. Дело в том, что он не знает деления психической жизни на ум, чувство и волю и на лежащие в их основе эмоции. Для него вся психическая жизнь сводится к представлениям; смутные представления суть чувство; ясные представления - познание; воля и познание суть одно и то же; нет воли, существуют только отдельные акты отрицания и утверждения, заключающиеся в идеях. Следовательно, ясно, что человек, достигший познания, достиг всего и нравственного совершенства, и блаженства, и свободы от страстей. Единственная добродетель есть ясное познание; только поступки, руководимые познанием, добродетельны. Поступки же, вытекающие из чувства, т.е. из смутных представлений, не могут быть добродетельны. Поэтому, такие чувства, как раскаяние и сострадание, вредны, потому что они не согласны с ясным познанием; кроме того, они противоречат и стремлению к самосохранению, так как связаны с чувством неудовольствия, следовательно, уменьшают способность человека к самосохранению. Поэтому для него нет и отдельных категорий нравственных переживаний, отличающихся особым психическим характером, а нравственность есть вывод, следствие ясного познания. Поэтому, хотя в его «Этике» есть ряд правил в духе христианской морали, например, отвечать на ненависть любовью, но это не будут нравственные переживания в нашем смысле, так как эти правила суть следствия разумной жизни. Для мудреца ненависть есть вообще представление, соединенное с чувством неудовольствия, а потому вредное; поэтому же вредно и сострадание.

Отдельной категории нравственных переживаний, с особым оттенком должного, в «Этике» нет. Есть только смутные и ясные представления. Этот интеллектуализм характерен для «Этики» он делает возможным выведение нравственной жизни из естественной, выводит все из принципа разумного эгоизма; мудрец живет в мире и согласии с другими людьми, отвечает на ненависть любовью, но все это потому, что отвечает принципу разумного эгоизма. Поэтому у Спинозы нет и особых общественных чувств,

обязательных для человека. Общество есть просто результат, слияние в одно целое отдельных личностей. Но исходит его философия из существования отдельного человека.

Задача «Этики» – как достигнуть блаженства отдельному человеку. Цель – высшее самосохранение; путь – ясное познание; следствие же блаженной жизни есть мир и согласие между людьми. Человек стремится к интеллектуальной любви к Богу; но следствием этого стремления есть жизнь в согласии с другими людьми. Другие люди рассматриваются с такой же точки зрения, как и все окружающие тела природы. Согласие с ними полезно, а раздор вреден; нет ничего полезнее для человека, чем другой человек, руководимый правилами разума. Поэтому мудрец стремится, чтобы благо, которым он обладает, стало доступным всем; стремится просветить других людей, помочь им в их борьбе со страстями и с природой. Но все это следствия его стремления к блаженству, которое составляет истинную цель его жизни. Все построение «Этики» исходит из этого предположения; вся ее задача есть освобождение от страстей и достижение блаженства. Об этом же свидетельствует и предисловие к «Трактату об усовершенствовании разума», где Спиноза доказывает, что единственное настоящее благо есть познание, а освобождение от страстей состоит в чувстве соединения с природой. В этом предисловии поставлена задача: как достигнуть соединения с природой. «Этика» дает ответ: интеллектуальная любовь к Богу есть следствие ясного познания.